

ЮРИЙ МАЦИЕВСКИЙ,

доктор политических наук, профессор кафедры политологии и национальной безопасности, руководитель Центра политических исследований НаУОА (35800, Острог, ул. Семинарская, 2)

YURIY MATSIYEVSKY,

Professor of Political Science and National Security at the Ostroh Academy National University, Head of the Center for Political Research at OANU (2 Seminarska St., Ostroh, Ukraine, 35800)

yurii.matsiyevskiy@oa.edu.ua

<https://orcid.org/0000-0001-9637-0572>

Смешанные ценности и общественные ограничения: почему запрос на “сильную руку” не приведет к авторитаризму в Украине

Вступление

В условиях глобального роста популизма, свертывания демократии и нового экономического спада наблюдатели и эксперты вновь заговорили об опасности авторитаризма в Украине. Одни утверждают, что угроза авторитаризма возникает из самого института президентства [Minakov, Mylovanov, 2016; Kudelia, 2018]. Всякий раз после избрания президент пытается расширить властные полномочия, а не ограничить их. В качестве примера приводят беспрецедентную концентрацию власти в руках Владимира Зеленского, что угрожает хрупкому институциональному балансу¹. Другие считают, что такое количество власти в руках непрофессионального руководства может привести к системному кризису и, как следствие, установлению диктатуры². Наконец, устойчивый общественный запрос на сильного лидера часто трактуется как свидетельство “авторитарной конгруэнтности”, то есть склонности украинцев к авторитаризму (см., напр.: [Проценко, 2019]).

Признавая эти вызовы, я, однако, утверждаю, что угроза авторитаризма в Украине сильно преувеличена, и ни один из современных вариантов авторитаризма (персоналистский, партийный или военный) [Geddes, 1999] в

¹ См.: Казарін, П. (2019). Верховна Рада Зеленського. *Українська правда*, 14.06.2019.

² См.: Портніков, В. (2020). Скасування недоторканості стало кроком до диктатури. *Еспресо*, 05.02.2020; Гурський, Р. (2019). Чи “світить” нам диктатура. *Вголос*, 06.09.2019.

Цитування: Мациевский, Ю. (2020). Смешанные ценности и общественные ограничения: почему запрос на “сильную руку” не приведет к авторитаризму в Украине. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 4, 43–67.

постмайданной Украине невозможен. Дискуссии об угрозах авторитаризма в Украине ведутся с начала 90-х годов, но, как было показано в предыдущих исследованиях, ни усилия Кучмы, ни попытки Януковича не имели шансов на успех [Мацієвський, 2010; Мацієвський, 2011b: с. 2–7]. Запрос на сильного лидера свидетельствует о “декларативной авторитарности” [Резнік, 2017], что объясняется традиционными (патерналистскими) ценностями, наряду с которыми существуют и демократические ценности. Смешанные ценности тормозят движение Украины в сторону авторитаризма, так же, как они сдерживают движение к демократии. К тому же в Украине сформировались как минимум три группы факторов — структурных, институциональных и социокультурных, препятствующих формированию авторитаризма. К структурным, то есть укоренившимся в обществе и политической системе, относятся: низкая легитимность руководства, плохое состояние экономики, региональные различия, низкий репрессивный потенциал государства, фрагментированная структура элит, относительная слабость “партии власти” и усиление связей с Западом. К институциональным относятся полупрезидентская форма правления и устоявшийся гибридный режим, а к социокультурным — отсутствие харизматических лидеров, объединительной идеологии, а также опыт трех волн антиавторитарных протестов в Украине (1990, 2004, 2014 годов).

Теоретическим основанием статьи является теория конгруэнтности, которую впервые предложили Габриэль Алмонд и Сидней Верба [Almond, Verba, 1963: p. 498], а позже развил Гарри Экштейн [Eckstein, 1966, 1977, 1991]. В своей классической формулировке теория утверждает, что “правительства функционируют настолько хорошо, насколько их образец осуществления власти (authority pattern) совпадает с образцами осуществления власти других частей общества, независимо от типа режима” [Eckstein, 1977: p. 1]. Иными словами, режим стабилен настолько, насколько его способ правления¹ соответствует представлениям людей (authority beliefs) о том, как оно должно осуществляться. Как утверждают Кристиан Вельцель и Рональд Инглхарт, массовые убеждения играют важную роль в легитимации всех типов режимов. Отсюда авторитарные режимы стабильны до тех пор, пока люди верят в законность диктаторской власти [Welzel, Inglehart, 2009: p. 128].

Опираясь на теорию конгруэнтности, эта статья объясняет, почему авторитаризм в Украине не стал приемлемой альтернативой ни для элит, ни для общества. Кроме того, исследование позволяет по-новому взглянуть на общественные основания стабильности гибридного режима² в Украине и других странах. Если учесть, что гибридный режим в Украине укоренен достаточно глубоко, тут следует ожидать того, что смешанные общественные ценности граждан будут поддерживать гибридную природу политического

¹ Как объясняет Экштейн, “образцы осуществления власти (patterns of authority) — это структуры и процессы, руководящие социальными единицами, или, иначе говоря, их структуры и процессы правления” [Eckstein, 1977: p. 2].

² Гибридным считается режим, в котором демократические признаки (напр., конкурентные выборы) сочетаются с авторитарными. Гибридность, однако, имеет менее заметное институциональное измерение, а именно сосуществование формальных и неформальных институтов, где последние часто оказываются более действенными, чем первые (подр. об этом см.: [Мацієвський, 2016: с. 16–17]).

режима. “Гибридная конгруэнтность” наряду с тремя группами факторов ограничивает перспективы авторитаризма в Украине, а также, по-видимому, в других странах с гибридными режимами.

Действительно, гибридный режим в Украине оказался весьма устойчивой конструкцией [Мациевский, 2018]. До сегодняшнего дня в Украине были две неудачных попытки демократизации (при Кравчуке и Ющенко) и две неудачных попытки установления авторитаризма (при Кучме и Януковиче). Даже революция 2013–2014 годов и дальнейшая агрессия России не смогли изменить неформальное институциональное ядро режима [Matsiyevsky, 2018c]. Поэтому укорененная, или институционализируемая гибридность стала неотъемлемой частью гибридной модели управления, и эта модель вряд ли изменится в ближайшее время.

Теория конгруэнтности и гибридные режимы

Очевидно, что соответствие между способом осуществления власти и общественными представлениями о власти весьма приблизительно. Как объясняет Экштейн: “Конгруэнтность существует, если образцы управления в обществе выявляют постепенное сходство” [Eckstein, 1997: p. 7]. Теория утверждает, что чем выше конгруэнтность, тем более стойкий режим. Политическое измерение конгруэнтности может проявляться через доверие к системе в целом и к правительству в частности, а также через легитимность, действенность и эффективность правительства.

В случае авторитаризма низкая конгруэнтность может компенсироваться сильными государственными институтами, особенно принудительного характера (например, полицией, армией или спецслужбами). Именно президентство, сильная “партия власти”, объединенные элиты и государственный “аппарат принуждения” являются фундаментом авторитарного правления.

Когда государство имеет высокий репрессивный потенциал, единоличный правитель или правящая группа защищены от горизонтальных (предательство) и вертикальных (массовый протест) угроз. Низкий репрессивный потенциал государства, слабая или отсутствующая правящая партия и фрагментированная элита оказывают значительное горизонтальное и вертикальное давление на властную группировку [Levitsky, Way, 2010].

Комплекс мер по сохранению единства элиты, раскола оппозиции и контроля над выборами известен как проект построения авторитарного государства (authoritarian state building) [Way, 2005]. Почему этот проект уже дважды пытались реализовать в Украине, но безуспешно? Одно из широких объяснений учитывает постсоветское (постколониальное) наследие — прежде всего организационную и институциональную слабость государства, а также отсутствие профессионального руководства, что мешало Украине продвигаться как к демократии, так и к авторитаризму [Motyl, 1995; Narasymiw, 2002].

Теория конгруэнтности позволяет дополнить эти факторы, в частности то, как действующий способ осуществления власти и общественные представления о нем влияют на стабильность политического режима в Украине. Если в России, Беларуси, Турции или Венгрии автократы смогли прийти к власти, предлагая возрождение российского, венгерского или турецкого величия, то в Украине культура “кочующего бандитизма”, по меткой метафоре

Манкура Олсона [Олсон, 2007: с. 21–25], помешала элитам создать эффективные государственные институты, заключать длительные социальные контракты и осуществлять авторитарную модернизацию. Одной из причин организационного провала элит стало преобладание материальных, а не идейных приоритетов. Во времена российского и советского господства большинство представителей политического класса Украины были озабочены физическим выживанием [Armstrong, 1959], хотя многие из них входили в советские органы власти, а некоторые оказывались на высоких государственных постах [Laitin, 1998: р. 59–82]. С распадом СССР мотивация изменилась. Сейчас элиты преимущественно сосредоточены на политическом выживании. Резкий экономический спад, высокая политическая неопределенность и непоследовательность реформ 1990-х годов способствовали появлению культуры грабежа и избегания ответственности (см., напр.: [Kuzio, 2014a]).

В начале 2000-х коммунисты, которые до тех пор доминировали в парламенте, были частично смещены, а частично поглощены новыми бизнес-политическими группами, вышедшими на политическую сцену. Политическая культура этих элит определяется тремя неформальными практиками: непубличными соглашениями, клиентелизмом и коррупцией. Эти практики способствуют политическому выживанию, но мешают утвердить верховенство права, придерживаться четких правил игры и проводить системные реформы. Отсутствие качественного обновления элит и доминирование неформальных институтов в политическом процессе привели к неэффективному, но устойчивому институциональному равновесию — гибриднему режиму, являющемуся системной институциональной ловушкой [Мацевський, 2016: с. 33–42]. Несмотря на свою неэффективность, такой режим соответствует интересам элит, позволяя извлекать ренту даже во время войны.

Это объясняет, почему способ управления украинских элит определяется не усилиями по построению государства (демократического или авторитарного), а более приземленными целями — накоплением богатства и уходом от ответственности после отхода от власти. Если элиты стагнируют, то общество постепенно меняется. Так, показатель эмансипативных ценностей Украины имеет позитивное значение (0,40 по шкале от –1,00 до +1,00) и с середины 1990-х годов демонстрирует умеренный рост (0,5) [Welzel, 2013].

Таким образом, если способ управления режима отличается от общественных представлений о том, как это управление должно осуществляться, его шансы на установление авторитаризма (или демократии) существенно ограничены.

Авторитаризм как социально-политический конструкт

Используя классические [Linz, 1975] и современные объяснения (см., напр.: [Altemeyer, 2006: р. 2–4; Glasius, 2018]), авторитаризм здесь рассматривается не только как тип режима, но и как социополитический конструкт, где подчинение власти поддерживается согласием населения, харизмой лидера или репрессивным аппаратом государства. Отсюда авторитаризм — это социальный синдром, возникающий там, где значительная часть населения проявляет авторитарные ориентации. Чтобы действовать по своему усмотрению, глава государства должен обеспечить: (а) институционализированную монополию на власть — формально или неформально определенные сроки

и полномочия, не позволяющие никому из конкурентов подорвать его власть законным или незаконным способом; (б) минимальный уровень общественного согласия, который позволяет осуществлять власть без контроля со стороны граждан. Чем выше поддержка, тем устойчивее режим. Выполнение этих двух условий позволяет достичь авторитарной конгруэнтности, или заветного “единства лидера и народа”.

Эти факторы дают возможность режиму оставаться относительно стабильным и легитимным в своей стране и за ее пределами. Хотя источники авторитарной легитимности, как и стратегии легитимации достаточно разные [von Soest, Grauvogel, 2015], общественный контракт является важным условием любого стабильного авторитаризма (см.: [Desai et al., 2007]).

Другие черты авторитаризма, такие как ограниченный плюрализм, минимальная политическая мобилизация и отдельные ограничения исполнительной власти, безусловно важны [Linz, 1975: p. 264], однако ключом к желаемому “единству” с народом является добровольное признание гражданами силы и авторитета политического лидера. Иными словами, авторитарный режим имеет шансы там, где способ управления властью как минимум не отвергается, а как максимум поддерживается “авторитарным менталитетом” народа.

Предложенная здесь максималистская формула позволяет аналитически отделить полностью авторитарный режим от его уменьшенных форм, таких как “полуавторитаризм”, “состязательный” или “электоральный авторитаризм”. Эти подтипы, как и подтипы демократии (избирательные, дефектные, нелиберальные и т. п.), попадают в категорию гибридных режимов, куда также попадает и политический режим в Украине в течение большей части времени после обретения независимости [Мацієвський, 2016].

В следующей части я подвергаю сомнению тезис об авторитарных настроениях украинцев, утверждая, что запрос на сильного лидера является скорее патерналистской, а не авторитарной ориентацией.

Действительно ли украинцы склонны к авторитаризму?

Во многих посткоммунистических государствах запрос на сильного лидера является выраженной социальной ориентацией. В Украине этот запрос часто интерпретируется как поддержка авторитарного правления¹. Такая интерпретация ошибочна, поскольку запрос на сильного лидера не обязательно означает запрос на авторитаризм. Проверенными свидетельствами “авторитарности” как социального феномена являются высокие показатели склонности к *подчинению властям*, высокие показатели *агрессии в отношении к другим* и высокие показатели *поддержки традиционных социальных норм*, или конвенционализма (см.: [Altemeyer, 2006: p. 9]), которые не измерялись в опросах.

В Украине доля граждан, поддерживающих идею сильного лидера (“которому не нужен парламент и выборы”), неуклонно возрастает в течение последних двух десятилетий. Если в 1994–1998 годах так считали около 40% населения, то в 2010–2014 годах — 71% (см. табл. 1).

¹ См., напр.: Авторитаризм (2001). В: *Енциклопедія сучасної України* (т. 1). Київ: Поліграфкнига; Зінченко, О. (2019). Українці і світ до 2030 року. *Дзеркало тижня*, 26.12.2019.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос: “Сильный лидер,
которому не нужен парламент и выборы” (2010–2014, %)**

Варианты ответов	Отобранные страны							
	Азербайджан	Польша	Беларусь	Турция	Грузия	Россия	Румыния	Украина
Очень хорошо	8,0	2,7	15,9	17,2	23,5	26,0	37,8	29,2
Относительно хорошо	13,7	17,3	30,9	32,6	30,3	41,0	31,9	42,1
Плохо	54,3	40,7	36,8	18,9	18,4	16,1	14,5	20,5
Очень плохо	20,2	31,7	15,4	15,6	16,5	5,4	9,0	8,2
Без ответа	–	0,6	–	1,9	2,2	0,6	1,1	–
Не знаю	3,7	7,0	1,0	13,9	9,1	10,4	5,7	–
<i>N</i>	1002	966	1535	1605	1202	2500	1503	1500

Источник: European and World Values Surveys. Wave 6 (2010–2014). Выборка: Азербайджан – 2011, Беларусь – 2011, Грузия – 2014, Польша – 2012, Румыния – 2012, Россия – 2011, Турция – 2012, Украина – 2011.

Данные таблицы 1 указывают на то, что украинцы, даже больше, чем россияне и беларусы, одобряют идею сильного лидерства. Однако азербайджанцы, как и поляки, демонстрируют большую приверженность принципам коллективного управления, решительно отбрасывая единоличное руководство. Без учета исторического и политического контекста одни лишь цифры не скажут нам, почему, казалось бы, проавторитарные азербайджанцы не поддерживают идею сильного лидерства, а румыны поддерживают ее даже больше, чем любая другая нация в выборке.

Учитывая, что династия Алиева правит Азербайджаном с 1969 года, вполне возможно, что азербайджанцы устали от единоличной власти. Румыны, наоборот, не против сильной исполнительной власти в надежде обуздать политическую коррупцию, с которой они не справились даже после вступления в ЕС. Президент Румынии Клаус Йоганис, например, поддерживает антикоррупционные инициативы общественности в противостоянии с правительством, которое не считается с антикоррупционными рекомендациями Европейской комиссии [Mackessey, 2019].

В этой сфере украинцы имеют аналогичные ожидания. Всеобщее недовольство тем, как функционирует демократия в Украине, особенно разочарование работой основных государственных институтов, связанное с политической коррупцией, отсутствием социальной справедливости, а также с низкой политической эффективностью — чувством беспомощности и убеждением людей в том, что их участие мало что изменит. Последнее — общая черта посттоталитарных и постгеноцидных обществ, к которым принадлежит и Украина. Отсюда убеждения и ожидания, что, дескать, “не я, а кто-то другой” (сильный лидер) может “прийти и решить мои проблемы”. Ощущение беспомощности устойчиво держится на втором (после потери близких) месте

среди прочих стрессовых ситуаций¹. Низкая политическая эффективность в сочетании с нехваткой времени для неоплачиваемой работы и отсутствием интереса являются основными причинами неучастия украинцев в политических партиях (всего 3,2% принадлежали к определенной партии в 2013-м, а в 2018-м — 1,2%) и в общественных организациях (в 2013-м — 4,2%, в 2018-м — 5,2%), в то время как 85% не были членами ни одного общественного объединения².

Учет контекста не менее важен. Когда в 2009 году респондентов спросили: “Что Вы понимаете под “сильной рукой””, 62% согласились с тем, что такой лидер должен действовать исключительно в рамках закона, тогда как 15% выбрали вариант: “... в случае необходимости может ограничивать права и свободы ради порядка”³. В мае 2013 года (во время президентства Виктора Януковича) первый вариант выбрали более 82%, а второй — менее 9%⁴. К тому же 48,3% украинцев, вторые после поляков (57,8), согласились с тем, что выбор лидеров на свободных выборах является существенной чертой демократии [European, 2010–2014]⁵.

Кроме того, запрос на новые лица в Украине нужно рассматривать сквозь призму высокой персонализации политики и патерналистских ориентаций. Несмотря на то, что поддержка кандидата-победителя, как правило, быстро сменяется разочарованием, запрос на “все и сразу” остается устойчивым. Новый лидер, по мнению большинства респондентов, должен быть честным (50,1%), некоррупцированным (47,7%) и готовым заботиться о простых людях (47,8%)⁶.

Этим, среди прочего, объясняется успех Владимира Зеленского на президентских выборах 2019 года. Зеленский сумел предложить то, что большинство избирателей хотели услышать. Образ “простого парня из народа” удачно резонировал с неудовлетворенными потребностями в социальной справедливости, социальной защите и, в широком понимании, с желанием жить по закону. Зеленский позиционировал себя не “жестким”, а новым политиком, который сможет сломать старую систему. Это еще одно указание

1 КМІС (2018). Опитування: “Стресові ситуації в житті українців”. Получено с: <https://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=824&page=1>

2 Демократичні ініціативи (2018). Опитування: “Громадянське суспільство в Україні: виклики і завдання”. Получено с: <https://dif.org.ua/en/article/gromadyanske-suspilstvo-v-ukraini-vikliki-i-zavdannya>

3 Эти цифры привела Ирина Бекешкина в интервью газете “День” (см.: [Жириченко, 2010]).

4 Демократичні ініціативи (2013). Опитування: “Громадський сектор і політика: взаємодія, нейтралітет чи боротьба?” Получено с: <https://dif.org.ua/article/gromadskiy-sektor-i-politika-vzaemodiya-neytralitet-chi-borotba>

5 См. ответы на вопрос: “Насколько, по вашему мнению, для демократии важно то, что люди выбирают своих лидеров на свободных выборах” (Беларусь — 38,8 %, Россия — 45,1%, Турция — 41,9%) [European and World Values Survey (2010–2014) Wave 6].

6 См., напр.: Демократичні ініціативи (2013). Опитування: “Громадський сектор і політика: взаємодія, нейтралітет чи боротьба?” Получено с: <https://dif.org.ua/article/gromadskiy-sektor-i-politika-vzaemodiya-neytralitet-chi-borotba>

на то, что запрос на “сильную руку” нужно рассматривать как патерналистскую, а не авторитарную ориентацию.

Доминирование патерналистских ориентаций подтвердило исследование Vox Ukraine 2019 года, согласно которому почти четверти респондентов (73%) склонны считать, что государство должно контролировать как экономику, так и личные свободы [Кривенюк, Брик, 2019].

Еще одним свидетельством патерналистских запросов являются петиции к президенту. Их количество (92% из всех, присланных в органы власти, по состоянию на июнь 2020 года) указывает на то, что украинцы все еще верят в “доброе царя”, хотя большинство из этих петиций выходят за рамки полномочий президента [Мошняга, 2020].

Действительно, представление о том, что украинцы “ждут Пиночета”, слишком поверхностно. Результаты президентских выборов 2019 года это хорошо иллюстрируют. Так, единый кандидат, который был представителем правого лагеря на президентских выборах 2019 года — Руслан Кошулинский (заместитель председателя партии “Свобода”), набрал менее 2% голосов. Еще два кандидата, которых рассматривали как потенциально авторитарных — Анатолий Гриценко и Игорь Сметшко, получили 6,91% и 6,04% голосов соответственно и не вышли во второй тур. Петр Порошенко, который активно эксплуатировал консервативно-патриотические настроения, набрал 25% голосов во втором туре. То есть ни один потенциально авторитарный кандидат, включая действующего в то время президента, не получил достаточной поддержки. С другой стороны, при выборе между демократическим и авторитарным правлением украинцы откровенно отдают предпочтение демократии (в начале президентства Януковича (2010 год) — таких было 62%, иначе думали 28%)¹. Согласно результатам того же опроса, почти 60% согласились с тем, что законы нужно соблюдать, и только менее 7% считали, что законы можно игнорировать.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос:
“Отношение к демократии как политической системе” (%)**

Варианты ответов	Украина			
	1994–1998	1999–2004	2005–2009	2010–2014
Очень хорошее	14	16	21	33
Относительно хорошее	41	47	40	52
Относительно плохое	10	8	14	11
Очень плохое	4	3	5	4
Без ответа	31	2	1	–
Не знаю	–	22	19	–
<i>N</i>	(2811)	(1207)	(2507)	(1500)

Источник: WVS, Time Series, Sample: Ukraine.

¹ Институт Горшеніна (2010). *Автопортрет. Україна 2010* (<http://gorshenin.ua/projects/avtoportret-08-04-2010-ukraina-2010>).

Приверженность идее демократии подтверждают и данные World Values Survey, свидетельствующие, что подавляющее большинство украинцев отдают предпочтение демократии (см. табл. 2).

Наряду с этим поддержка демократического строя преобладает во всех регионах Украины: от 90% (в совокупности) на Западе до почти 80% на Востоке и значительно выше 80% на Юге (см. табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос:
“Отношение к демократии как политической системе” (%)**

Варианты ответов	Регионы			
	Запад	Восток	Центр	Север
Очень хорошее	37,8	29,2	31,8	34,6
Довольно хорошее	52,7	50,1	52,8	51,8
Довольно плохое	6,8	15,7	10,0	10,7
Очень плохое	2,7	5,0	5,5	2,9
<i>N</i>	(353)	(314)	(440)	(393)

Источник: WVS, Ukraine, 2011.

Что касается поддержки демократии, нужно, впрочем, учитывать один важный нюанс. Как отмечают Хелен Кирш и Кристиан Вельцель, в обществах, “где поддержка демократии постоянно сосуществует с авторитарным правлением, у большинства людей неоднозначное понимание демократии, в котором авторитарное понимание демократии смешивается с либеральным, а порой и затмевает его”. В этих странах, утверждают они, “авторитарные представления о демократии превращают понятие поддержки демократии в ее отрицание: поддержку автократии” [Kirsch, Welzel, 2018: p. 2].

В объяснении этого “парадокса демократии” — поддержки демократии в авторитарных режимах — Кирш и Вельцель различают либеральное понимание понятия демократии (ЛПД) и авторитарное понимание демократии (АПД). Последнее авторы объясняют как “подчинение “мудрому руководству”, чья власть отрицает конституционные ограничения, публичную критику и альтернативную конкуренцию” [Kirsch, Welzel, 2018: p. 3]. Они утверждают, что АПД преобладает там, где эмансипативные ценности остаются слабыми. Причина в том, что для осознания различия между ЛПД и АПД эти ценности должны быть сильными. Сильными они должны быть и для того, чтобы граждане могли сознательно выбирать либеральную демократию.

Чтобы эмпирически проверить, какое понимание демократии преобладает в Украине, индексы ЛПД/АПД были рассчитаны в соответствии с указаниями Кирш и Вельцеля [Kirsch, Welzel, 2018: p. 10–11]¹. Индекс ЛПД

¹ Индекс ЛПД генерируется из ответов на три вопроса Глобального исследования ценностей (World Values Survey): V133. Люди выбирают своих лидеров в ходе свободных выборов; V136. Гражданские права защищают людей от давления государства; V139. Женщины имеют те же права, что и мужчины. Индекс АПД строится на основе ответов на три вопроса WVS: V132. Религия в конечном итоге толкует законы; V135. Армия бе-

оказался вдвое выше, чем индекс АПД (0,82 против 0,41), а индекс эмансипативных ценностей является позитивным и увеличивается с 0,38 в пятой волне до 0,40 в шестой волне (по шкале от -1,60 до +2,80)¹. В принципе, эти результаты свидетельствуют о том, что украинцы имеют смешанное — либеральное и авторитарное — понимание демократии, но первое определенно доминирует и поддерживается позитивным показателем эмансипативных ценностей. Таким образом, убеждение насчет того, что украинцы склонны к авторитаризму, лишено эмпирических оснований.

Далее рассмотрим три группы общественных факторов, которые дополнительно усложняют появление авторитарного режима в постмайданной Украине.

Структурные ограничения на пути авторитаризма

Начнем с ключевого фактора — легитимности и механизма легитимации, который помогает достичь желаемого единства между лидером и народом. Если легитимность — это вера в правильность существующего политического строя, то есть его признание гражданами, то легитимация — это процесс завоевания поддержки. Легитимность проявляется в доверии как к лидеру, так и к институту, который воплощает лидерство (например, президенту, премьеру, монарху и т. п.).

Претензии на легитимность могут базироваться на условно “входящих” (миф об учреждении, идеология, персональные черты) либо “исходящих” основаниях — успешных результатах деятельности [von Soest, Grauvogel, 2015: p. 5–8]. Когда претензии на легитимность признаются и поддерживаются, процесс легитимации можно считать успешным.

В отличие от некоторых соседей, украинцы демонстрируют довольно низкое доверие к основным государственным институтам (президенту, правительству и парламенту), а также к людям, представляющим эти институты. Попытки улучшить ситуацию при помощи разных стратегий легитимации (преимущественно медийных кампаний и демонстрации достижений) в целом не были успешными [von Soest, Grauvogel, 2015: p. 10–11].

В обеспечении легитимности особую роль играют экономические успехи. А плохое состояние экономики, наоборот, негативно влияет на легитимность режима и его способность поддерживать “социальный контракт” с народом — отказ последнего от политических прав в обмен на экономическую безопасность. Экономисты Андерс Олофсгард, Радж Десаи и Тарик Юсеф обнаружили, что “авторитарные соглашения” возможны при условии доступа к ресурсам, которые позволяют диктаторам поддерживать благосостояние, занятость и прочие социальные блага, сохраняя жесткий контроль над политической жизнью [Olofsgerd et al., 2007]. Отсутствие природных ресурсов, особенно углеводородов, ограничивает переговорные позиции авторитаров, придает сил оппозиции, разрушает соглашения между лидерами и

рет на себя полномочия, когда правительство некомпетентно; V138. Люди подчиняются своим правителям (см.: [Kircz, Welzel, 2018: Online appendix]). Я признателен доценту В. Лебедюку за помощь в расчетах индексов.

¹ Я ссылаюсь здесь на данные, приведенные на рис. 3 “Связь между индивидуальным уровнем АПД/ЛПД на уровне отдельных стран и их эмансипативных ценностей” [Kircz, Welzel, 2018: p. 17].

их приверженцами и создает опасность раскола внутри властной группы. [Olofsgerd et al., 2007: p. 6–7].

Американский политолог Пол Д'Аньери почти десять лет назад заметил, что экономическая слабость является наибольшим препятствием для консолидации власти в Украине. Плохое состояние экономики подрывает легитимность лидеров, усложняя победу или переизбрание на выборах (как это случилось с Л. Кучмой, В. Ющенко или П. Порошенко). Слабая экономика ослабляет политическую “машину” действующего президента и стимулирует его конкурентов, прежде всего олигархов (таких, как Игорь Коломойский), сменить президента, чтобы сохранить или получить доступ к прибыльным активам. Наконец, отсутствие ресурсно богатой экономики существенно ограничивает возможности президента поддерживать сильную (партийную и государственную) организацию [D'Anieri, 2011: p. 34].

С момента обретения независимости ВВП Украины сократился почти на треть — с 188 млрд долл. в 1991-м до 135 млрд долл. в 2019-м (в текущих ценах 2010 года)¹. В период с 2000 по 2015 год поддержка президента составляла в среднем 14%², тогда как поддержка парламента³ и Кабинета Министров⁴ — менее 10% (6,5% и 9,6% соответственно). По состоянию на июнь 2018 года менее 14% украинцев доверяли действующему на то время президенту (П. Порошенко), а более 80% — нет⁵. Стабильность режима Порошенко, если ее измерять через восприятие граждан, на третий год его президентства была ниже, чем на тот же период у Януковича, что указывало на неминуемое поражение Порошенко на президентских выборах 2019 года [Matsiyevsky, 2018a].

Ни один из украинских президентов не мог сохранить позитивный баланс доверия и недоверия дольше первого года своих полномочий. За полгода до президентских выборов 2019 года даже ни один из кандидатов не имел позитивного баланса⁶. В. Зеленскому удалось поддерживать позитивный баланс чуть более года. Так, в сентябре 2019 года его действия одобряли 73%, а в июне 2020 года всего 38%. Тогда же количество тех, кто не одобряет (45%), впервые превысило количество тех, кто одобряет, а негативный баланс составлял минус 7%⁷. Несмотря на преобладающую поддержку на президентских (13,5 млн во втором туре) и парламентских (6,3 млн) выборах,

¹ World Bank (2019). GDP. Ukraine. World Bank National Accounts Data (<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD?locations=UA>).

² Центр Разумкова (2016). *Ви підтримуєте діяльність Президента України?* (http://old.razumkov.org.ua/poll.php?poll_id=67).

³ Центр Разумкова (2016). *Ви підтримуєте діяльність Парламенту України?* (http://old.razumkov.org.ua/eng/poll.php?poll_id=68).

⁴ Центр Разумкова (2016). *Ви підтримуєте діяльність Кабінету Міністрів України?* (http://old.razumkov.org.ua/eng/poll.php?poll_id=68).

⁵ Центр Разумкова (2018). *Довіра громадян України до суспільних інститутів*. (http://razumkov.org.ua/uploads/socio/2018_06_press_release_ua.pdf).

⁶ Демократичні ініціативи (2018). *За пів року до виборів: рейтинги кандидатів і партій, мотивації вибору, очікування громадян* (<https://dif.org.ua/article/za-pivroku-do-vivoriv-reytingi-kandidativ-i-partiy-motivatsii-viboru-ochikuvannya-gromadyan>).

⁷ КМІС (2020). *Оцінка дій влади, епідемія коронавірусу та реакція на поточні події. Опитування 20–23.06* (<https://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=955&page=1>).

около 13 млн украинцев проголосовали за других кандидатов в первом туре президентской гонки, а 9 млн — за другие партии на парламентских выборах. В ноябре 2019 года количество тех, кто считал, что Украина движется в правильном направлении, впервые стало меньше, чем тех, кто думает иначе (36% и 39% соответственно)¹. Эти цифры указывают на то, что Зеленский не объединил Украину и не добился “социального контракта” с гражданами, а после ряда противоречивых решений (относительно “взаимодействия” с РФ в вопросе прекращения войны на Донбассе, открытия рынка земли, отсутствия реальных действий по поддержке малого и среднего бизнеса во время карантина) его поддержка ожидаемо пошла вниз и находится на уровне средних показателей. Таким образом, отсутствие действенного социального контракта в условиях очередного экономического спада, а также зависимость от олигархов и внешних игроков существенно отличает Украину от авторитарной России и Беларуси и даже от Венгрии или Польши.

Во-вторых, автократы имеют значительные трудности с консолидацией власти в регионально и культурно разделенных обществах (см., напр.: [Way, 2015]). Так, В. Янукович стал президентом благодаря преобладающей поддержке избирателей юго-восточных областей, но на Западе и в Центре страны он столкнулся с серьезной оппозицией. Региональные различия пытается углубить Россия, которая стремилась разыграть этнолингвистическую карту в Украине с целью усилить свое влияние в юго-восточных областях на местных выборах в октябре 2020 года.

В-третьих, региональные и идеологические различия препятствуют формированию объединенной элиты — важного фактора консолидации любого режима. В отличие от восточных и западных соседей, украинские элиты фрагментированы [Higley, Bayulgen, 2003], поэтому консолидация вокруг ценностей выглядит маловероятной. Когда разные группы элит ведут борьбу за влияние (и ренту), ни одна из них не может монополизировать власть. Даже сильно централизованная “Партия регионов” имела несколько внутренних групп влияния в добавок к конкуренции со стороны “Батьківщини” или “УДАРа”. Фрагментация элит сохраняется и после Революции 2014 года (см.: [Matsiyevsky, 2018c]), а основные линии размежевания сегодня проходят между реформаторами и антиреформаторами в парламенте, а также между олигархами при власти и олигархами в оппозиции, которые только меняются местами (как, например, между Порошенко и Коломойским).

Институционализированная монополия на власть еще более ограничена из-за низкого репрессивного потенциала государства, в частности из-за слабости “партии президента” в Украине. Фрагментированные элиты, слабая организационная структура и постоянные изменения избирательного законодательства негативно влияют на формирование сильных партий вообще (см., напр.: [D’Anieri, 2007: p. 167–174; Whitmore, 2014; Kuzio, 2014b]) и президентской партии в частности. Частично это связано с тем, что ведущие украинские партии являются политическими “крышами” финансово-промышленных групп (как, например, “Громада” Лазаренко, “СДПУо” Медведчука времен Кучмы или “Партия регионов” времен Януковича) или же “по-

¹ Демократичні ініціативи. (2019). *Опитування: Громадська думка — листопад 2019* (<https://dif.org.ua/en/article/gromadska-dumka-listopad-2019>).

литическими машинами”, созданными политиками (как “Батьківщина” Тимошенко или “Европейская Солидарность” Порошенко). Подавляющее большинство украинских партий, в том числе левые и правые, являются не программными, а клиентелистскими организациями, которые лишь внешне напоминают настоящие партии [Мацієвський, 2020]. Пока патрон может поддерживать клиентскую сеть, партия жива. Но как только он теряет позиции, скрытая борьба за лидерство выходит на поверхность, что угрожает расколом, упадком и превращением в карманную партию, ожидающую новых собственников (как это было с “НСНУ” В. Ющенко, “УДАРом” В. Кличко или “Партией регионов” В. Януковича).

Из шести украинских президентов лишь В. Януковичу частично удалось выстроить “вертикаль власти” при помощи “Партии регионов”. Эта вертикаль, однако, рухнула менее чем через неделю из-за массового выхода депутатов, вызванного неудачной попыткой насильственного подавления Майдана [Ambrosio, 2017; Matsiyevsky, 2018b; p. 157–159]. Фракция “Слуга народа” в парламенте имеет такую же клиентелистскую природу, поскольку состоит из четырех больших и нескольких меньших групп, контролируемых извне парламента (И. Коломойским, Р. Ахметовым, самым В. Зеленским или А. Ермаком).

В отличие от России, слабая “партия власти” существенно снижает репрессивный потенциал государства. Три волны не подавленных массовых протестов — против коммунистов в 1990-м, против “украденных” выборов в 2004-м и против насилия со стороны власти в 2014-м — доказательство низкого репрессивного потенциала государства. То, что спецслужбы и военные остались в стороне во всех трех случаях, свидетельствует о неспособности высших должностных лиц эффективно контролировать силовые структуры. Это определенно контрастирует с многочисленными примерами, когда лидеры использовали армию для подавления протестов.

Усиление связи с Западом (Соглашение об ассоциации, безвизовый режим и зависимость от западной финансовой и безопасностной помощи) является еще одним структурным ограничением на пути авторитаризма. Под давлением Запада украинские элиты приняли новое антикоррупционное законодательство и учредили новые институты. Результаты западного институционального влияния проявляются медленно, но даже незначительный прогресс в этом направлении удерживает от искушения превышать свои полномочия.

Россия, конечно, будет представлять экзистенциальную угрозу для Украины еще не одно десятилетие, однако путинская агрессия сделала цивилизационный “развод” фактически необратимым. После того, как в октябре 2018 года Украинская православная церковь получила независимость от Москвы, Россия утратила также значительную часть своего мягкого влияния в Украине.

Институциональные ограничения

Наряду со структурными ограничениями на пути авторитаризма в Украине стоят как минимум два институциональных. С одной стороны, это полупрезидентская форма правления, а с другой — то, что я называю “институционализированной гибридной”, или наследием гибридного режима.

Полупрезиденциализм — это форма правления, в которой исполнительная власть разделена между президентом и премьер-министром. В значительной части постсоветского пространства разделенная исполнительная власть создает более конкурентный и открытый режим, который Генри Хейл назвал “системой конкурирующих пирамид”, тогда как единая исполнительская вертикаль приводит к менее конкурентному и более закрытому режиму — “системе единоличной власти” [Hale, 2014: p. 423–439]. Одним из последствий разделения исполнительной власти является внутренняя нестабильность и слабое представительство, однако конституционное распределение полномочий между президентом и премьер-министром служит барьером для концентрации власти в одних руках.

Учитывая значительную персонализацию украинской политики (см.: [D’Anieri, 2003]) и конкурентный характер отношений внутри исполнительной власти в Украине (и не только), существует естественная тенденция к централизации, а не разделу исполнительной власти. При несбалансированной полупрезидентской системе украинские президенты часто вмешивались в деятельность правительства, посягали на независимость судебной власти, пытались влиять на решения Генеральной прокуратуры и изменять конституцию в своих интересах [Choudhry et al., 2018]. Эти действия, однако, привели не к установлению президентской формы правления, а к разрушению принципа верховенства права и упадку конституционализма в Украине [Мацієвський, 2011а].

Неудачные попытки изменить институциональный дизайн и сконцентрировать власть в одних руках являются признаком слабости автократов в Украине. Это объясняется тем, что президенту редко удавалось контролировать парламент [Wilson, 1999]. К тому же всякий раз, когда действующий президент (как, например, Кучма или Янукович) пытался выйти за рамки своих полномочий, парламент и общество оказывали сопротивление. Идея Юлии Тимошенко о создании парламентской системы с сильными “канцлерскими” полномочиями премьера (см., напр.: [Аверчук, 2018]) из того же репертуара, но она не получила поддержки ни в поляризованном парламенте, ни в обществе. Несмотря на очевидные недостатки, украинцы отдают предпочтение разделенной форме правления¹, что предотвращает концентрацию власти и позволяет избежать сходства с путинской Россией.

Если форма правления в Украине менялась шесть раз (в 1991, 1995, 1996, 2004, 2010 и 2014), то режим изменился всего один раз, в период с конца 1980-х до середины 1990-х. С этого времени политический режим в Украине остается гибридным, и этот режим пережил и Оранжевую революцию, и Евромайдан [Matsiyevsky, 2018c].

Институционализируемая гибридность является системной институциональной ловушкой, влияющей на принцип управления властных элит. Устоявшийся гибридный режим также сдерживает движение Украины как к демократическому, так и к авторитарному концу спектра. Пока эта неэффективная со-

¹ Сравн.: Соціологічна група Рейтинг (2011). *Оптимальна форма правління для України: Динаміка* (<http://ratinggroup.ua/research/ukraine/7dfe0aaea4c805cbd00a5585e49a67cb.html>); Демократичні ініціативи (2019). Дебати кандидатів у президенти: чи потрібні вони виборцям? І про що? Опитування. 20–26.03.2019 (<https://dif.org.ua/article/debati-kandidativ-u-prezidenti-chi-potribni-voni-vibortsyam-i-pro-shcho>).

вокупность институтов будет позволять элитам получать ренту, они будут ее поддерживать. Отсюда главным направлением в динамике режима в Украине является гибридизация (размывание формальных институтов неформальными), а не укрепление верховенства права или же репрессивного потенциала государства, как было бы в случае демократизации или авторитаризации.

Социокультурные ограничения

В добавок к структурным и институциональным барьерам на пути авторитаризма в Украине стоят как минимум три социокультурных ограничения: отсутствие харизматичного лидера, отсутствие объединительной идеологии и опыт трех волн протестов против узурпации власти (1990, 2004, 2014 годов).

Из трех классических форм авторитаризма — персоналистского, военного и однопартийного — первый считается наименее стабильным, военный — относительно стабильным, а однопартийные режимы демонстрируют наибольшую способность к выживанию [Geddes, 1999]. В Украине было две попытки установить единоличное правление, сначала при президентстве Кучмы (1994–2004), а потом при Януковиче (2010–2014). Обе попытки оказались неудачными. Однако Кучма, не сумев решить дилемму с преемником, мирно отошел от власти, тогда как Янукович обе эти задачи провалил и вынужден был бежать из Украины.

Несмотря на значительную персонализацию политики, украинцы демонстрируют значительное недоверие к своим лидерам. Ни один из заметных политических игроков не имел по крайней мере 50% поддержки граждан (за исключением первого полугодия президентства Зеленского). Первоначальные надежды на Ющенко в одной части Украины, равно как и на Януковича — в другой части, обернулись глубоким разочарованием и в том, и в другом. Ориентация на личные качества как стратегия легитимации никогда не была настолько сильной в Украине, чтобы привести к культу личности, как мы это наблюдаем в России, Беларуси или Турции [von Soest, Grauvogel, 2015: р. 5–8]. Угроза того, что харизматичный автократ сможет захватить президентское кресло и установить диктатуру, маловероятна после Евромайдана.

Способность заручиться поддержкой граждан и легитимировать режим с помощью идеологии является неотъемлемой частью долгосрочной стабильности авторитарных режимов [Gerschewski, 2013]. Отвращение к коммунистическим идеалам, с одной стороны, недоверие к политическим институтам — с другой, а также региональные и религиозные различия помешали формированию объединяющей идеологии в Украине. Поиски неуловимой “национальной идеи” приобрели размах в 1990-х годах, но уже в 2000-х они стихли [Wolczuk, 2000]. Ни одно из идеологических течений, включая национализм, новые экологические и левые движения, не смогло объединить элиты и общество. Российская агрессия усилила патриотические чувства¹, а создание Поместной православной церкви усилило ощущение национального и религиозного единства, однако эксплуатация этих настроений в избирательной стратегии П. Порошенко не дала результата.

¹ Об изменениях в национальной идентичности Украинцев после революции 2014 года см. двойной специальный выпуск журнала “Post-Soviet Affairs: Identity Politics in Times of Crisis: Ukraine as a Critical Case” (2018, Vol. 34, Iss. 5).

Наконец, ни одно постсоветское общество не имеет такого опыта успешных антиавторитарных протестов, какой есть в Украине. В последних двух эпизодах, известных как Оранжевая революция и Революция Достоинства, по разным оценкам участвовали от 18¹ до 20² процентов взрослых граждан, что составляет от 5 до 7 миллионов человек. Хотя демократический импульс этих протестов был значительно скомпрометирован старыми практиками пришедших к власти элит, общество научилось мобилизации против авторитарной угрозы.

Таким образом, любая попытка установить авторитарный режим сверху, чего в принципе исключать нельзя, будет сталкиваться с кумулятивным сопротивлением трех групп структурных, институциональных и социокультурных факторов.

Выводы

Чтобы укорениться, авторитаризм, как и демократия, требует питательной почвы. В этой статье обоснован тезис о том, что для авторитаризма в Украине не достаточно социальных оснований. Здесь рассмотрены три группы факторов (всего 12), которые в совокупности ограничивают перспективы авторитаризма в Украине.

Влияние этих факторов варьирует. Структурные ограничения (7 из 12) укоренены глубже всего, поэтому любому начинающему автократу преодолеть их будет особенно сложно. Дискуссии об институциональном дизайне в Украине будут вестись еще долго, но, как показывает практика, попытки усиления исполнительной власти дают противоположные результаты. Такой же маловероятной выглядит смена режима как в сторону демократии, так и в сторону авторитаризма. Поэтому влияние институциональных факторов будет ощутимым еще не одно десятилетие. Что касается социокультурных факторов, то появление харизматичного аутсайдера-автократа, как показывает опыт В. Зеленского, вполне возможно, однако вероятность его успеха на пути установления персоналистского или однопартийного режима, учитывая действие перечисленных тут ограничений, будет весьма мала.

Приведенные эмпирические данные демонстрируют, что украинцам свойственно смешанное — либеральное и авторитарное понимание демократии, но первое вдвое преобладает над вторым (0,82 против 0,41) и поддерживается позитивной динамикой эмансипативных ценностей. Это означает, что институционализируемая гибридность, то есть длительное существование гибридного режима в Украине в целом соответствует смешанным представлениям людей о том, как должна осуществляться власть.

1 Опираясь на Европейский социальный опрос, проведенный в Украине в начале 2005 года, а также на несколько других общенациональных опросов, Марок Бейсингер указывает, что в разных акциях протеста участвовали от 18% до 22% взрослых граждан (см.: [Beissinger, 2011: p. 25–43]).

2 Опрос Фонда “Демократические инициативы”, проведенный в октябре 2014 года, выявил, что в различных формах протеста 2014 года приняли участие 20% украинцев (см.: Демократичні ініціативи (2014). Річниця Майдану — опитування громадської та експертної думки (<https://dif.org.ua/article/richnitsya-maydanu-opituvannya-gromadskoi-ta-ekspertnoi-dumki>)).

Фокусируясь на проавторитарных и продемократических ориентациях украинцев, эта статья призывает вернуть политические ценности и культуру в фокус изучения политических режимов, в частности гибридных. Вместо исследования динамики режимов с точки зрения волн демократизации и авторитаритаризации (для сравнения см.: [Knott, 2018]), более продуктивным представляется изучение последствий гибридизации, в частности подрывного влияния неформальных институтов на формальные, а также влияния первых на образцы осуществления власти в этих режимах. Здесь можно выдвинуть ряд гипотез о том, как клиентелизм, непотизм или тайные соглашения влияют на правление, или о том, как представления народа о правлении способствуют воспроизводству неформальных практик элитами.

Эта тема заслуживает особого внимания не только в случае Украины, но и в более широком сравнительном контексте. Учитывая, что “гибридная конгруэнтность” остается малоисследованной темой, систематическая проверка теории конгруэнтности в контексте гибридных режимов может расширить наше понимание социальных оснований их стабильности. Один из важных вопросов в этом контексте заключается в том, каким может быть эффект уменьшения региональных различий и укрепления национальной идентичности — не сделает ли это Украину более уязвимой к авторитаризму?¹

Отдельное внимание в этой статье посвящено запросу на сильного лидера в Украине. Поверхностная интерпретация одних только цифр привела к убеждению, что украинцы склонны к авторитаризму. Однако учет контекста, а также специфических аспектов дает основания утверждать, что запрос на сильного лидера является частью традиционных, в частности патерналистских, а не авторитарных ориентаций. Ощущение низкой политической эффективности, или беспомощности, выявленное в многочисленных опросах, служит еще одним свидетельством патернализма. Кроме того, запрос на сильного лидера следует считать патерналистской, а не авторитарной ориентацией еще и потому, что авторитарность измеряется не через запрос на “сильную руку”, а через склонность к подчинению власти, агрессией в отношении других и поддержкой традиционных социальных норм — показатели, которые не попадали в опросы в Украине.

Вместе с тем запрос на “сильную руку” не подтверждается поддержкой неограниченного законом правления (15% против 62% в 2009 году и 9% против 82% в 2013-м), а наоборот, опровергается последовательной и широкой поддержкой демократического правления во всех регионах Украины. Наконец, поддержка правых партий и политиков, которые ассоциировались с авторитарным стилем правления, никогда не была высокой. Результаты президентских и парламентских выборов 2019 года подтверждают эту тенденцию, поскольку все кандидаты, высказывавшие правые или проавторитарные взгляды, не получили достаточной поддержки.

Приведенные в статье результаты не должны вселять и чрезмерного оптимизма. Во времена усиления популизма и свертывания демократии в разных уголках мира Украина, ставшая буквально линией фронта между Россией и Западом, требует особого внимания.

¹ Я благодарен Полу Д’Аньери за данное наблюдение.

Чтобы помочь Украине вырваться из разрушительного состояния гибридности, международное демократическое сообщество должно продолжать давление на украинское правительство в вопросах антикоррупционной политики, утверждения верховенства права и внедрения системных реформ. Демократическое давление на власть необходимо совмещать с поддержкой инициатив гражданского общества, которое стремится к той же цели — сделать Украину безопасным, успешным и демократическим государством.

Источники

Аверчук, Р. (2018). Ім'ям Канцлера: недоліки і переваги політичного устрою, який пропонує Юлія Тимошенко. *Vox Ukraine*. Отримано з: <https://voxukraine.org/uk/im-yam-kantslera-nedoliki-i-perevagi-politichnogo-ustroyu-yakij-proponuye-yuliya-timoshenko>

Кириченко, І. (2010, 2 квітня). Нестійкий “кентавр” нашої демократії. *Дзеркало тижня*. Отримано з: https://dt.ua/SOCIETY/nestiykiy_kentavr_nashoyi_demokratiyi.html

Кривенюк, О., Брік, Т. (2019). Справа наліво: що думають українці про державний контроль економіки та особистих свобод? *Vox Ukraine*. Отримано з: <https://voxukraine.org/uk/sprava-nalivo-shho-dumayut-ukrayintsi-pro-derzhavnij-kontrol-ekonomiki-ta-osobistih-svobod/>

Мацевський, Ю. (2018). В ловушке гибридности: политический режим в Украине после революции 2014 года. *Полис. Политические исследования*, 1, 96–115. Получено с: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.07>

Мацевський, Ю. (2010). Який режим буде в Янукович і що з цього вийде? *Наукові записки Національного університету “Острозька академія”*. Серія “Політичні науки”, 4, 274–289.

Мацевський, Ю. (2011а). Інволюція конституціоналізму і квазі-авторитарний режим в Україні. *Вибори і демократія*, 3, 49–56.

Мацевський, Ю. (2011б). Спокуси авторитаризмом. *Критика*, 5/6, 2–7.

Мацевський, Ю. (2016). *У пастиці гібридності: зигзаги трансформації політичного режиму в Україні (1991–2014)*. Чернівці: Книги-XXI.

Мацевський, Ю. (2020). Від партій-субститутів до справжніх партій: чи можливо це в Україні? В: А. Романюк, В. Литвин (ред.), *Політичні партії і вибори: українські та світові практики*: зб. ст. і тез за результатами IV міжнародної наукової конференції “Політичні партії і вибори: українські та світові практики” (вип. 4, сс. 282–286). Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка.

Мошняга, Н. (2020, 4 червня). Голос народу до слуг народу. Скільки, кому і про що подають петиції? *Vox Ukraine*. Отримано з: <https://voxukraine.org/uk/golos-narodu-do-slug-narodu-skillki-komu-i-pro-shho-podayut-petitsiyi/>

Олсон, М. (2007). *Влада і процвітання. Подолання комуністичних і капіталістичних диктатур*. Київ: Видавничий дім “Києво-Могилянська академія”.

Проценко, В. (2019). Прокляття “сильної руки”: чому українці не люблять капіталізм. *Vox Ukraine*. Отримано з: <https://voxukraine.org/uk/proklyattya-silnoyi-ruki-chomu-ukrayintsi-ne-lyublyat-kapitalizm/>

Резнік, О. (2017). Декларативна авторитарність масової свідомості українців: реальні та фіктивні загрози демократії. *Азора*, 19/20, 26–31.

Almond, G., Verba, S. (1963). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press.

Altemeyer, B. (2006). *The Authoritarians*. Winnipeg: University of Manitoba.

Ambrosio, Th. (2017). The Fall of Yanukovich: Structural and Political Constraints to Implementing Authoritarian Learning. *East European Politics*, 33(2), 184–209. Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/21599165.2017.1304382>

Armstrong, J.A. (1959). *The Soviet Bureaucratic Elite: A Case Study of the Ukrainian Apparatus*. New York: Frederick A. Praeger.

Beissinger, M. (2011). Mechanisms of Maidan: The Structure of Contingency in the Making of the Orange Revolution. *Mobilization: An International Quarterly*, 16(1), 25–43.

Choudhry, S., Sedelius, Th., Kyrychenko, J. (2018). Semi-Presidentialism and Inclusive Governance in Ukraine: Reflections for Constitutional Reform. The Centre of Policy and Legal Reform and Stockholm International Institute for Democracy and Electoral Assistance. Retrieved from: <https://www.idea.int/sites/default/files/publications/semi-presidentialism-and-inclusive-governance-in-ukraine.pdf>

Chudowsky, V., Kuzio, T. (2003). Does Public Opinion Matter in Ukraine? The Case of Foreign Policy. *Communist and Post-Communist Studies*, 36, 273–290. Retrieved from [https://doi.org/10.1016/S0967-067X\(03\)00039-4](https://doi.org/10.1016/S0967-067X(03)00039-4)

D'Anieri, P. (2003). Leonid Kuchma and the Personalization of the Ukrainian Presidency. *Problems of Post-Communism*, 50(5), 58–65. Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/10758216.2003.11656055>

D'Anieri, P. (2007). *Understanding Ukrainian Politics: Power, Politics, and Institutional Design*. Armonk, NY, London: M.E. Sharpe.

D'Anieri, P. (2011). Structural Constraints in Ukrainian Politics. *East European Politics and Societies*, 25(1), 28–46. Retrieved from: <https://doi.org/10.1177/0888325410388559>

Eckstein, H. (1966). *A Theory of Stable Democracy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Eckstein, H. (1977). *Congruence Theory Explained*. UC Irvine: Center for the Study of Democracy. Retrieved from <https://escholarship.org/uc/item/2wb616g6>

Eckstein, H. (1991). *Regarding Politics: Essays on Political Theory, Stability, and Change*. Berkeley: University of California Press.

European and World Values Survey (2010–2014). Wave 6. Retrieved from: www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp

Geddes, B. (1999). What Do We Know About Democratization After Twenty Years? *Annual Review of Political Science*, 2 (1), 115–144. Retrieved from: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.2.1.115>

Gerschewski, J. (2013). The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-optation in Autocratic Regimes. *Democratization*, 20 (1), 13–38. Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/13510347.2013.738860>

Glasius, M. (2018). What Authoritarianism is ... and is not: A Practice Perspective. *International Affairs*, 94(3), 515–533. Retrieved from: <https://doi.org/10.1093/ia/iyy060>

Hale, H. (2014). *Patronal Politics. Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press.

Harasymiw, B. (2002). *Post-Soviet Ukraine*. Toronto, Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press.

Higley, J., Bayulgen, O. (2003). Political elite integration and differentiation in Russia. In: V. Gel'man, A. Steen (Eds.), *Elites and Democratic Development in Russia*. London: Routledge.

Kirsch, H., Welzel, Ch. (2018). Democracy Misunderstood: Authoritarian Notions of Democracy Around the Globe. *Social Forces*, 97,1–33. Retrieved from: <https://doi.org/10.1093/sf/soy114>

Knott, E. (2018). Perpetually “Partly Free”: Lessons from Post-Soviet Hybrid Regimes on Backsliding in Central and Eastern Europe. *East European Politics*, 34 (3), 355–376. Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/21599165.2018.1493993>

Kudelia, S. (2018). Presidential Activism and Government Termination in Dual-Executive Ukraine. *Post-Soviet Affairs*, 34(4), 246–261. Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1465251>

Kuzio, T. (2014a). Crime, Politics and Business in 1990s Ukraine. *Communist and Post-Communist Studies*, 47(2), 195–210. Retrieved from: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2014.04.011>

Kuzio, T. (2014b). Impediments to the Emergence of Political Parties in Ukraine. *Politics*, 34(4), 309–323. Retrieved from: <https://doi.org/10.1111/1467-9256.12067>

Laitin, D. (1998). *Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Levitsky, S., Way, L.A. (2010). *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Problems of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Linz, J. (1975). Totalitarian and Authoritarian Regimes. In: F.I. Greenstein, et al. (Eds.), *Handbook of Political Science*, Vol. 3: Macro-Political Theory, Reading, MA: Addison-Wesley.

Mackessey, P. (2019, July 12). Romania's president blasts government over corruption report. *Anti-Corruption Digest*. Retrieved from: <https://anticorruptiondigest.com/2019/07/12/romanas-president-blasts-government-over-corruption-report/#axzz67Q0wmUFB>

Matsiyevsky, Y. (2018a). *Ukraine's Regime Is Less Stable than It Was under Yanukovych: A Third Year Comparison*. PONARS Eurasia policy memo # 517, Retrieved from: <http://www.ponarseurasia.org/memo/ukraine-regime-less-stable-than-under-yanukovych-third-year-comparison>

Matsiyevsky, Y. (2018b). Western Leverage, Russia's Resistance and the Breakdown of the Yanukovych Regime. In: G. Soroka, T. Stepniewski (Eds.), *Ukraine after Maidan. Revisiting Domestic and Regional Security* (pp.157–159). Ibidem-Verlag.

Matsiyevsky, Y. (2018c). Revolution without Regime Change: The Evidence from the Post-Euromaidan Ukraine. *Communist and Post-Communist Studies*, 51(4), 349–359. Retrieved from: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2018.11.001>

Minakov, M., Mylovanov, T. (2016, July 5). Ukraine's Authoritarian Signals. *Open Democracy*. Retrieved from: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/tymofiy-mylovanov-mykhailo-minakov/ukraine-s-authoritarian-signals>

Motyl, A.J. (1995). The Conceptual President: Leonid Kravchuk and the Politics of Surrealism. In: T.J. Colton, R.C. Tucker (Eds.), *Patterns in Post-Soviet Leadership*. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press.

Olofsgerd, A., Desai, R.M., Tarik, Y. (2007). *The Logic of Authoritarian Bargains: A Test of a Structural Model*. The Brookings Institution. Global Economy and Development Working Paper 3. Retrieved from: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/01globaleconomics_desai.pdf

von Soest, Ch., Grauvogel, J. (2015). *How Do Non-Democratic Regimes Claim Legitimacy? Comparative Insights from Post-Soviet Countries*. GIGA Working Papers 277. Retrieved from: <https://www.giga-hamburg.de/en/system/files/publications/wp-277-online.pdf>

Way, L. (2005). Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine. *World Politics*, 57(2), 231–261. Retrieved from: DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2005.0018>

Way, L. (2015). *Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Welzel, Ch. (2013). *Freedom Rising*. Online Appendix. Retrieved from: https://www.cambridge.org/de/files/8613/8054/8416/FreedomRising_OA.pdf

Welzel, Ch., Inglehart R. (2009). Political Culture, Mass beliefs, and Value Change. In: Ch. Haerpfer, P. Bernhagen, R.F. Inglehart, Ch. Welzel (Eds.), *Democratization*. Oxford: Oxford University Press.

Whitmore, S. (2014). *Political Party Development in Ukraine*. GSDRC Helpdesk Research Report 1146. Birmingham, UK. Retrieved from: <http://www.gsdr.org/docs/open/hdq1146.pdf>

Wilson, A. (1999). Ukraine. In: R. Elgie (Ed.), *Semi-Presidentialism in Europe* (pp. 260–280). Oxford: Oxford University Press.

Wolczuk, K. (2000). History, Europe and the “National idea”. The “Official” Narrative of National Identity in Ukraine. *Nationalities Papers*, 28, 671–694. Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/00905990020009674>

Получено 18.08.2020

References

- Almond, G., Verba, S. (1963). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press.
- Altemeyer, B. (2006). *The Authoritarians*. Winnipeg: University of Manitoba.
- Ambrosio, Th. (2017). The Fall of Yanukovich: Structural and Political Constraints to Implementing Authoritarian Learning. *East European Politics*, 33(2), 184–209. Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/21599165.2017.1304382>
- Armstrong, J. A. (1959). *The Soviet Bureaucratic Elite: A Case Study of the Ukrainian Apparatus*. New York: Frederick A. Praeger.
- Averchuk, R. (2018, November 21). The Pros and Cons of Tymoshenko’s Constitutional Reform Proposal. [In Ukrainian]. *Vox Ukraine*. <https://voxukraine.org/en/the-pros-and-cons-of-tymoshenko-s-constitutional-reform-proposal/> [=Аверчук 2018]
- Beissinger, M. (2011). Mechanisms of Maidan: The Structure of Contingency in the Making of the Orange Revolution. *Mobilization: An International Quarterly*, 16(1), 25–43.
- Choudhry, S., Sedelius, Th., Kyrychenko, J. (2018). Semi-Presidentialism and Inclusive Governance in Ukraine: Reflections for Constitutional Reform. The Centre of Policy and Legal Reform and Stockholm International Institute for Democracy and Electoral Assistance. Retrieved from: <https://www.idea.int/sites/default/files/publications/semi-presidentialism-and-inclusive-governance-in-ukraine.pdf>
- Chudowsky, V., Kuzio, T. (2003). Does Public Opinion Matter in Ukraine? The Case of Foreign Policy. *Communist and Post-Communist Studies*, 36, 273–290. Retrieved from: [https://doi.org/10.1016/S0967-067X\(03\)00039-4](https://doi.org/10.1016/S0967-067X(03)00039-4)
- D’Anieri, P. (2007). *Understanding Ukrainian Politics: Power, Politics, and Institutional Design*. Armonk, NY, London: M.E. Sharpe.
- D’Anieri, P. (2011). Structural Constraints in Ukrainian Politics. *East European Politics and Societies*, 25(1), 28–46. Retrieved from: <https://doi.org/10.1177/0888325410388559>
- D’Anieri, P. (2003). Leonid Kuchma and the Personalization of the Ukrainian Presidency. *Problems of Post-Communism*, 50(5), 58–65. Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/10758216.2003.11656055>
- Eckstein, H. (1966). *A Theory of Stable Democracy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Eckstein, H. (1977). *Congruence Theory Explained*. UC Irvine: Center for the Study of Democracy. Retrieved from: <https://escholarship.org/uc/item/2wb616g6>
- Eckstein, H. (1991). *Regarding Politics: Essays on Political Theory, Stability, and Change*. Berkeley: University of California Press.
- European and World Values Survey* (2010–2014). Wave 6. Retrieved from: www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp
- Geddes, B. (1999). What Do We Know About Democratization After Twenty Years? *Annual Review of Political Science*, 2 (1), 115–144. Retrieved from: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.2.1.115>
- Gerschewski, J. (2013). The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-optation in Autocratic Regimes. *Democratization*, 20 (1), 13–38. Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/13510347.2013.738860>
- Glasius, M. (2018). What Authoritarianism is ... and is not: A Practice Perspective. *International Affairs*, 94(3), 515–533. Retrieved from: <https://doi.org/10.1093/ia/iyy060>

Hale, H. (2014). *Patronal Politics. Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press.

Harasymiw, B. (2002). *Post-Soviet Ukraine*. Toronto, Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press.

Higley, J., Bayulgen, O. (2003). Political elite integration and differentiation in Russia. In: V. Gel'man, A. Steen (Eds.), *Elites and Democratic Development in Russia*. London: Routledge.

Kirsch, H., Welzel, Ch. (2018). Democracy Misunderstood: Authoritarian Notions of Democracy Around the Globe. *Social Forces*, 97,1–33. Retrieved from: <https://doi.org/10.1093/sf/soy114>

Knott, E. (2018). Perpetually “Partly Free”: Lessons from: Post-Soviet Hybrid Regimes on Backsliding in Central and Eastern Europe. *East European Politics*, 34 (3), 355–376. Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/21599165.2018.1493993>

Krymeniuk, O., Brik, T. (2019). What do the majority of Ukrainians think about state control over economics and personal freedoms? [In Ukrainian]. *Vox Ukraine*. Retrieved from: <https://voxukraine.org/en/what-do-the-majority-of-ukrainians-think-about-state-control-over-economics-and-personal-freedoms/>

Kudelia, S. (2018). Presidential Activism and Government Termination in Dual-Executive Ukraine. *Post-Soviet Affairs*, 34(4), 246–261. Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1465251>

Kuzio, T. (2014a). Crime, Politics and Business in 1990s Ukraine. *Communist and Post-Communist Studies*, 47(2), 195–210. Retrieved from: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2014.04.011>

Kuzio, T. (2014b). Impediments to the Emergence of Political Parties in Ukraine. *Politics*, 34(4), 309–323. Retrieved from: <https://doi.org/10.1111/1467-9256.12067>

Kyrychenko, I. (2010, April 2). Unstable “centaur” of our democracy. [In Ukrainian]. *Dzerkalo Tyzhnya*. Retrieved from: https://dt.ua/SOCIETY/nestykiy_kentavr_nashoyi_demokratyi.html [=Кириченко 2010]

Laitin, D. (1998). *Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.

Levitsky, S., Way, L. A. (2010). *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Problems of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Linz, J. (1975). Totalitarian and Authoritarian Regimes. In: F.I. Greenstein, et al. (Eds.), *Handbook of Political Science*, Vol. 3: Macro-Political Theory, Reading, MA: Addison-Wesley.

Mackessey, P. (2019, July 12). Romania’s president blasts government over corruption report. *Anti-Corruption Digest*. Retrieved from: <https://anticorruptiondigest.com/2019/07/12/romania-president-blasts-government-over-corruption-report/#axzz67Q0wmUFB>

Matsiyevsky, Y. (2010). What kind of a regime does V.Yanukovich build and what would come out of it? [In Ukrainian]. *Scholarly Notes of the National University of Ostroh Academy*. Political Science Series, 4, 274–289. [Мацієвський 2010]

Matsiyevsky, Y. (2011a). Involution of Constitutionalism and Quasi-Authoritarian Regime in Ukraine. [In Ukrainian]. *Elections and Democracy*, 3, 49–56. [=Мацієвський 2011a]

Matsiyevsky, Y. (2011b). Temptations by Authoritarianism [In Ukrainian]. *Krytyka. Criticism Essays Reviews*, 5/6, 2–7. [=Мацієвський 2011b]

Matsiyevsky, Y. (2016). *Trapped in Hybridity: Zigzags of Ukraine’s Regime Transformations (1991-2014)*. [In Ukrainian]. Chernivtsi, Books XXI. [=Мацієвський 2016]

Matsiyevsky, Y. (2018). Trapped in Hybridity: Ukraine’s Regime Transformations after the 2014 Revolution. [In Russian]. *Polis. Political Studies*, 1, 96–115. Retrieved from: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.07> [=Мацієвський 2018]

Matsiyevsky, Y. (2018a). *Ukraine’s Regime Is Less Stable than It Was under Yanukovich: A Third Year Comparison*. PONARS Eurasia policy memo # 517, Retrieved from:

<http://www.ponarseurasia.org/memo/ukraine-regime-less-stable-than-under-yanukovych-third-year-comparison>

Matsiyevsky, Y. (2018b). Western Leverage, Russia's Resistance and the Breakdown of the Yanukovych Regime. In: G. Soroka, T. Stepniewski (Eds.), *Ukraine after Maidan. Revisiting Domestic and Regional Security* (pp.157–159). Ibidem-Verlag.

Matsiyevsky, Y. (2018c). Revolution without Regime Change: The Evidence from: the Post-Euromaidan Ukraine. *Communist and Post-Communist Studies*, 51(4), 349–359. Retrieved from: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2018.11.001>

Matsiyevsky, Y. (2020). From party substitutes to real parties: Is it possible in Ukraine? [In Ukrainian]. In: A. Romaniuk, V. Lytvyn (Eds.), *Political Parties and Elections: Ukrainian and International Practices*. IV International Conference (Vol. 4, 282–286). Lviv: Ivan Franko National University of Lviv. [=Мацієвський 2020]

Minakov, M., Mylovanov, T. (2016, July 5). Ukraine's Authoritarian Signals. *Open Democracy*. Retrieved from: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/tymofiy-mylovanov-mykhailo-minakov/ukraine-s-authoritarian-signals>

Moshniaha, N. (2020, June 4). The voice of the people to the Servant of the People. How much, to whom and about what are petitions submitted? [In Ukrainian]. *Vox Ukraine*. Retrieved from: <https://voxukraine.org/uk/golos-narodu-do-slug-narodu-skilki-komu-i-pro-shho-podayut-petitsiyi/> [=Мощняга 2020]

Motyl, A.J. (1995). The Conceptual President: Leonid Kravchuk and the Politics of Surrealism. In: T.J. Colton, R.C. Tucker (Eds.), *Patterns in Post-Soviet Leadership*. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press.

Olofsgerd, A., Desai, R.M., Tarik, Y. (2007). *The Logic of Authoritarian Bargains: A Test of a Structural Model*. The Brookings Institution. Global Economy and Development Working Paper 3. Retrieved from: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/01globaleconomics_desai.pdf

Olson, M. (2007). *Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships*. [Transl. in Ukrainian]. Kyiv: Kyiv-Mohyla Publishing. [=Олсон 2007]

Procenko, B. (2019). The “Strong Hand” Curse: Why Ukrainians Do Not Like Capitalism. [In Ukrainian]. *Vox Ukraine*. Retrieved from: <https://voxukraine.org/en/the-strong-hand-curse-why-ukrainians-do-not-like-capitalism/> [=Проценко 2019]

Reznik, O. (2017). Declarative authoritarianism of Ukrainians mass public culture: real and fictional threats to democracy. [In Ukrainian]. *Ahora*, 19/20, 26–31. [=Резнік 2017]

von Soest, Ch., Grauvogel, J. (2015). *How Do Non-Democratic Regimes Claim Legitimacy? Comparative Insights from Post-Soviet Countries*. GIGA Working Papers 277. Retrieved from: <https://www.giga-hamburg.de/en/system/files/publications/wp-277-online.pdf>

Way, L. (2005). Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine. *World Politics*, 57(2), 231–261. Retrieved from: DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2005.0018>

Way, L. (2015). *Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Welzel, Ch. (2013). *Freedom Rising*. Online Appendix. Retrieved from: https://www.cambridge.org/de/files/8613/8054/8416/FreedomRising_OA.pdf

Welzel, Ch., Inglehart R. (2009). Political Culture, Mass beliefs, and Value Change. In: Ch. Haerpfer, P. Bernhagen, R.F. Inglehart, Ch. Welzel (Eds.), *Democratization*. Oxford: Oxford University Press.

Whitmore, S. (2014). *Political Party Development in Ukraine*. GSDRC Helpdesk Research Report 1146. Birmingham, UK: Retrieved from: <http://www.gsdrc.org/docs/open/hdq1146.pdf>

Wilson, A. (1999). Ukraine. In: R. Elgie (Ed.), *Semi-Presidentialism in Europe* (pp. 260–280). Oxford: Oxford University Press.

Wolczuk, K. (2000). History, Europe and the “National idea”. The “Official” Narrative of National Identity in Ukraine. *Nationalities Papers*, 28, 671–694. Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/00905990020009674>

Received 18.08.2020

ЮРІЙ МАЦІЄВСЬКИЙ

Змішані цінності та суспільні обмеження: чому запит на “сильну руку” не призведе до авторитаризму в Україні

В умовах глобального тиску на демократію та внутрішньої турбулентності, які ризики того, що Україна скотиться до авторитаризму? На відміну від численних застережень у цій статті обґрунтовується теза про те, що для авторитаризму в Україні немає соціальних підстав, а запит на “сильну руку” є свідченням патерналістських, а не авторитарних цінностей. Разом з тим в Україні сформувалося щонайменше три групи структурних, інституційних та соціокультурних чинників, які заважають встановленню авторитарного режиму. До них належать: низька легітимність керівництва, низька економічна ефективність, регіональні відмінності, низький репресивний потенціал держави, відносна слабкість “партії влади”, фрагментована структура еліт, посилення зв’язків із Заходом, напівпрезидентська форма правління, інституціалізована гібридність режиму, відсутність харизматичного лідера, змішані суспільні орієнтації та досвід трьох хвиль антиавторитарних протестів. Теоретичним підґрунтям статті є теорія конгруентності, за якою режим є стабільним тією мірою, якою його спосіб здійснення влади відповідає уявленням людей про її належне функціонування. Дані останньої хвилі Глобального дослідження цінностей дозволили розрахувати показники ліберального та авторитарного розуміння демократії. Перший в Україні виявився вдвічі вищим, ніж другий (0,82 проти 0,41). До того ж перший показник підкріплюється помірним зростанням емансипативних цінностей. Таким чином, “авторитарна конгруентність” у постмайданній Україні навряд чи можлива, а будь-яка спроба нав’язати авторитарне правління згори буде наражатися на кумулятивний опір трьох груп означених чинників.

Ключові слова: авторитаризм, теорія конгруентності, авторитарна конгруентність, ліберальне розуміння демократії, авторитарне розуміння демократії, гібридний режим, Україна

ЮРИЙ МАЦИЕВСКИЙ

Смешанные ценности и общественные ограничения: почему запрос на “сильную руку” не приведет к авторитаризму в Украине

В условиях глобального давления на демократию и внутренней турбулентности, каковы риски того, что Украина скатится к авторитаризму? Вопреки многочисленным предостережениям автор обосновывает тезис о том, что для авторитаризма в Украине нет социальных оснований, а запрос на “сильную руку” является свидетельством патерналистских, а не авторитарных ценностей. Вместе с тем в Украине присутствуют как минимум три группы структурных, институциональных и социокультурных факторов, которые стоят на пути авторитарного режима. К ним относятся: низкая легитимность руководства, низкая экономическая эффективность, региональные различия, низкий репрессивный потенциал государства, относительная слабость “партии власти”, фрагментированная структура элит, усиление связей с Западом, полупрезидентская форма правления, институциализированная гибридность режима, отсутствие харизматичного ли-

дера, смешанные общественные ориентации и опыт трех волн антиавторитарных протестов. Теоретическим основанием статьи является теория конгруэнтности, согласно которой режим стабилен при условии, что его способ осуществления власти соответствует представлениям людей о ее надлежащем функционировании. Данные последней волны Глобального исследования ценностей позволили рассчитать показатели либерального и авторитарного понимания демократии. Первый в Украине оказывается вдвое выше, чем второй (0,82 против 0,41). К тому же первый показатель усиливается умеренным ростом эмансипативных ценностей. Таким образом, представление об авторитарной склонности украинцев не имеет эмпирических оснований, а любая попытка навязать авторитарное правление сверху будет наталкиваться на кумулятивное сопротивление трех групп указанных факторов.

Ключевые слова: авторитаризм, теория конгруэнтности, авторитарная конгруэнтность, либеральное понимание демократии, авторитарное понимание демократии, гибридный режим, Украина

YURIY MATSIYEVSKY

Mixed values and societal constraints: why the request for a “strong hand” will not lead to authoritarianism in Ukraine

Given the global rise of illiberalism and Ukraine's own post-revolutionary turbulence, what are the risks that the war-torn society descends to authoritarianism? In contrast to numerous alerts, I argue that none of the modern forms of authoritarianism is likely in post-Euromaidan Ukraine. There are at least three groups of structural, institutional, and agency based factors that make the emergence of the authoritarian regime in Ukraine highly improbable. These are: poor leadership legitimacy, poor economy performance, regional polarization, weak state repressive capacity, the relative weakness of the 'party of power', fragmented elite structure, the growing linkage with the West, semi-presidentialism, institutionalized hybridity (the legacy of being hybrid regime), lack of charismatic leadership, mixed public attitudes and gravity of three (1990, 2004, 2014) waves of anti-authoritarian protest. Theoretically, this article draws on the congruence theory, which posits that the regime is stable in so far as its authority pattern meets people's authority beliefs. The empirical data from the latest wave of World Values Survey demonstrate that Ukrainians share mixed authority beliefs, as exemplified in liberal and authoritarian notions of democracy. The score of liberal notion of democracy for Ukraine is twice higher than that of authoritarian notion (0.82 to 0.41) and is supported by the growing score of emancipative values. 'The authoritarian congruence', therefore is hardly achievable in the post-Euromaidan Ukraine, while any attempt to impose authoritarian rule from above would face the cumulative resistance effect produced by these three groups of factors.

Keywords: authoritarianism, congruence theory, authoritarian congruence, liberal notion of democracy, authoritarian notion of democracy, hybrid regime, Ukraine